

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

СТАВРОПОЛЬ

Николай Ильич Воронов

Ставрополь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24411384

Аннотация

«Утро едва начиналось, когда я выехал со станции Русской, последней перед Ставрополем. Дорога все еще шла по степи, но впереди, за мелким лесом, уже показывался город. Скоро ямщик своротил с большой дороги на проселок и повез меня к монастырю, от которого город отделяется только глубоким оврагом; с тяжелыми экипажами ездить сюда опасно, и для них-то существует большой тракт, зато едущие налегке выигрывают тут несколько верст и к тому же могут за дорогу насладиться такими видами, которые степняку легко покажутся восхитительными...»

Николай Воронов

Ставрополь

Утро едва начиналось, когда я выехал со станции Русской, последней перед Ставрополем. Дорога все еще шла по степи, но впереди, за мелким лесом, уже показывался город. Скоро ямщик своротил с большой дороги на проселок и повез меня к монастырю, от которого город отделяется только глубоким оврагом; с тяжелыми экипажами ездить сюда опасно, и для них-то существует большой тракт, зато едущие налегке выигрывают тут несколько верст и к тому же могут за дорогу насладиться такими видами, которые степняку легко покажутся восхитительными. По обеим сторонам дороги мелькают так долго не видные рощи, степная гладь сменяется увалами, холмами, пригорками, меж тем как горизонт ширится на десятки верст, и на всей ширине его нет и следов степного однообразия. Понемногу грудь начинает дышать вольнее, глаза глядят внимательнее прежнего...

Монастырь, мимо которого идет дорога к городу, кроме своего прекрасного местоположения, не представляет ничего особенного; недавно учрежденный, он не успел еще обстроиться и разбогатеть. За ним рисуется Ставрополь, и какой заманчивый вид дают из себя его постройки, забелевшие поверх зелени по гребню высокой горы! Впереди – глубокий овраг, больше и больше темнеющий книзу, где льется речон-

ка Ташла, окруженная густыми садами и рощами; их высокие деревья, казалось, собрались в приземистые купы и поползли одни за другими на дно глубокого оврага, потом черной полосой дороги отделились от городского возвышения, и далее, еще меньшими купами, полезли на крутую двухэтажную гору; светло-зеленый цвет их, при утреннем освещении, переливался всевозможными зеленоватыми, желтыми и темными оттенками, и чем выше в горы поднималась зелень, то расстилаясь косматым ковром, то образуя черные впадины, точно складки, тем чаще она разнообразилась белыми и серыми домиками, разбросанными по всему возвышению городского предместья. <...>

Эффект картины много потерял, когда ямщик въехал на гору, составляющую городское предместье: на улицах – грязь; дома, издали глядевшие изящно, вблизи оказывались неопрятными; подробности, живописные своей совокупностью, в отдельности теряли свою прелесть... Однако, несмотря и на это, Ставрополь можно считать все-таки очень недурным городом, и в этом случае много придает ему цены его окружность. Степи, безлюдье – и вслед за этим оживленный и обстроенный город, среди местности гористой: встреча подобного места необходимо должна приятно подействовать на проезжего. Проживая и прежде в Ставрополе, я иногда слышал о нем такие суждения, что он-де «Париж Кавказа»; признаюсь, тогда, еще полный воспоминаний о лучших городах, я считал такие суждения слишком наивными, даже

дикими, теперь же, поживши среди степей, начинаю находить кое-какой смысл в этом громком имени: «Париж Кавказа!». Да, много значит окружность. Представьте положение человека, когда-то знакомого с общественными удовольствиями, с городскими потребностями, переведенного потом в ногайскую степь, или в степную станицу, где принужден он прожить безвыездно год, два и больше, положение, согласитесь, не очень приятное. Его безропотно, и вместе с тем порядочно, в состоянии вынести только тот, кто окреп нравственно, кто в жизни имеет серьезные цели, кто смотрит на время, как на короткий срок, предназначенный для нашего самоусовершенствования... Однако много ли людей с подобными стремлениями? Где им и когда можно было нравственно окрепнуть?.. Не удивительно, после этого, что степная жизнь, со всеми ее лишениями, должна им казаться сущей пыткой. «Какое безлюдье!» – вот те возгласы, которыми встречают они свою участь жить в степи; впоследствии эти возгласы понемногу теряют свой первоначальный жар, значительно умеряются, но из этого еще не следует заключать, что их признали неуместными или незаконными: нет, к ним сделались менее способными – и только! – И вот наконец настал случай съездить в Ставрополь. Что ж мудреного, если он покажется Парижем: с виду он город как город, тут и людность, тут и бульвары с гуляющими и музыкой, и клуб, и театр, и магазины... Жируй же скорее, рыскай по улицам и разным закоулкам да запасайся впечатлениями на всякого

рода степную голодуху...

Здесь кстати указать на тех людей, образующихся на здешней местности, которые носят название «опойков». Нечто похожее на них встречается и в других уголках России, но здесь, под условиями степной и лагерной жизни, они вырабатываются рельефнее и в большем количестве. Нападки на провинцию, которая доводит человека до разнообразных падений и, наконец, совершенного изнеможения нравственных сил, у нас очень обыкновенны; еще недавно г. Щедрин в своих «Губернских очерках» воскликнул: «О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже способность желать...».

В своей лирической статье «Мысли вслух» он превосходно дал почувствовать, что в нем трепещет живая, хотя и горькая истина. Но если легко объясняется образование таких личностей, которые в России носят название увальней, лежебок, или же для которых необходима такая водка, чтобы сразу забирала, покоряла себе всего человека, что называется вор-водка, то еще легче объясняется появление на Кавказе опойков, людей, съехавших на жалкую участь пить и опиваться до самозабвения. В России все же существует какая-нибудь общественность и в самых глухих уголках ее может прозябать семейная жизнь: та или другая может поддержать человека, который зашатался, отыскивая пищи для своих неокрепших нравственных сил. Но среди ногайского

и даже станичного захолустья общественности нет никакой: семейная жизнь является недостижимым благом, с поверхностным, как обычно водится у нас, образованием, с большим желанием пожить, со стремлением выслужиться или, по крайней мере, погеройствовать; однако походы предпринимаются не сплошь да рядом, геройствовать не над чем, выслуживание ползет лениво, так что его и не заметишь, а жажда пожить вынуждена утолять себя картами в кружке холостых людей да всякого рода попойками. За невозможностью удовлетворить даже скромным общественным потребностям, вызывается к жизни такое средство, которое заглушало бы их назойливый голос. И вот еще ни свет ни заря к водке успели не раз приложиться: не нужен и чай, затуманилось утро вплоть до обеда; за обедом снова водочное подкрепление сил – и затуманился день до вечера; от такого местного обычая новозаезжий, не обижая товарищей, отставать не может... И скоро, очень скоро, юноша, добрый малый, с теплым сердцем, с порядочной головой, становится ни на что не способным, незаметно одряхлеет, одрябнет с помутившимся взором и, боясь опомниться, пьет да пьет, а если и опомнится, то так ему больно и жутко, что со слезами на глазах может он произнести себе осуждение только в горьком восклицании: «Эх, я опоек, опоек!»... <...>

Виноват, я несколько удалился от предмета, забыл, что мне следует говорить о Ставрополе. Но в оправдание своего могу привести то важное обстоятельство, что, говоря о ка-

ком-либо месте, не должно забывать и людей, на нем различно коротающих жизнь свою. Это обстоятельство в настоящем случае имеет самое близкое применение: Ставрополь, по составу своих обитателей, оказывается городом несколько оригинальным, отступающим от мерки, прикладываемой нами к другим собственно русским городам; к нему отчасти не подойдут те губернские типы, которые у нас стали ходячими истинами; нужно прибавить к ним несколько новых красок, новых черт...

Ставрополем начинается страна служебных привилегий, привлекающих сюда искателей счастья, карьеры, приключений и всякого рода житейских особенностей, ожидаемых от страны, мало еще известной внутри России, страны новой, поэтому обещающей много привлекательного, еще неизведанного, быть может, скрывающего в себе искомое всюду от нужды мыкающимся человеком. Привилегии – важная статья; они заставляют и самого практичного человека, всегда выжидающего у моря погоды, пускаться вдаль и в непогоду; одной своей полновесностью они тянут на Кавказ и тех, которые не способны увлечься ни заманчивостью неизвестности, ни местными красотами природы, ни какими-либо другими романтическими затеями, ни какими-либо другими непрактичными стремлениями, про которые сложена пресловутая песенка:

Ты за чем, мой друг, стремишься
На тот гибельный Кавказ?..

Ставрополь, однако, – только еще преддверие привилегии, небольшой остановочный пункт, через который идет дорога в Закавказье.

Отсюда, насчет населения Ставрополя, можно сделать следующие замечания: оно наплывное, собравшееся сюда из разных концов России и потому разнохарактерное, не успевшее еще обзавестись местными преданиями, обычаями, порядками, не рассчитывающее на оседлость, часто меняющееся, большей частью одиночное, редко проявляющееся в большой родне или в сплошных семействах. Далее, Ставрополь, как город военный и вместе с тем губернский, представляет смесь чиновничества гражданского с военным, которое опять дробится на армейское, казачье, горское, со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными и т. п. чиновниками. Наконец, принимая во внимание положение Ставрополя как преддверия Кавказа, известного своею разноплеменностью, которая дробится до невероятной мелочности, легко объясняешь себе пестроту его населения, проявляющуюся на каждом шагу, мимо разномастного господского племени, в лицах армян, грузин, калмыков, татар, ногайцев и всякого рода прикавказских инородцев.

Представить отчетливую характеристику подобного городского населения очень трудно, а потому мне, как проежему, позволительно ограничиться указанием только на некоторые, более крупные черты, которые поддаются наблюдению в короткий срок и касаются притом господствующих классов города.

Я уже сказал, что население Ставрополя, большей частью наплывное – сброд людей с разных концов России, собравшихся сюда или ради служебных привилегий, или по влечению в новую местность, или же по необходимости явившихся сюда как в страну, которую нужно защищать и колонизировать. Вследствие этого даже небольшой кружок местного общества, взятый из какого угодно общественного слоя, представляет сборище людей бывалых, видевших и испытавших многое, сродни тем людям, которые у нас известны под названиями «хожалых», тертых калачей, прошедших огонь и воду. Нельзя сказать, чтобы это служило клейкой связью для членов общества, давая ему однородность стремлений, согласие в целях, гармонию потребностей. Напротив. Общее между членами подобного общества одно – желание во что бы то ни стало добиться своих личных расчетов, что уже сильно противодействует образованию общественной солидарности, возможной там только, где сходятся между собой хотя и тертые калачи, но ради каких-либо общих интересов, будут ли касаться они промышленности, торговли или же другого какого общего дела. Больше, наконец, обществен-

ного согласия проявляется там, где сходятся люди, хотя и не бывалые, но связанные между собой одним и тем же месторождением, преданиями, одинаковостью служебной или вообще житейской карьеры, люди, привыкающие глядеть на мир божий из-за издавна составленных мнений, выработанных при известных условиях общежития. Оттого подобные города, как Ставрополь, представляют мелочное дробление на кружки, на партии или же, наконец, служат раздольем для особняков, ничем не связанных друг с другом; кружки и партии считают в своих рядах по два, по три, много по пяти членов, и сами себе не могут дать отчет, почему они составляют какой-то кружок, замкнутый для входа непосвященных в их взаимные тайны, которых-то именно и нет... За отсутствием общих интересов, которые руководили бы обществом постоянно, является множество интересов случайных, мимолетных, большей частью забредших сюда со стороны. Эти интересы также наплывные – вследствие появления новой личности, занесшей их издалека, из той среды, в которой она прежде вращалась и которой дышала по необходимости, вследствие проезда какого-нибудь ретивого распространителя новых идей и новых слухов – благо, город лежит на большом тракте, – успевшего за дорожный отдых заронить в здешнее общество что-нибудь новое и удалиться, не выходявши как следует за брошенным зерном. Отсутствие общих интересов, местных, и частое появление интересов случайных, залетных, дает, по-видимому, здешнему

обществу характер подвижности, склонности к нововведениям всякого рода, что как бы противодействует общественному застою, апатии, господству рутины на всех путях общежития; но это только кажущееся благо: всякого рода залетные новинки только закрывают собой истинное положение вещей, и нужно ли при этом напомнить, что там мало может быть жизненного движения, где мало стойкого, прочно лежащего... Известно, что всяк новоприезжий вначале чувствует себя стесненным на своем новоселье: он еще не приладился к новому месту и не знает еще, как приладиться. Большею частью случается так, что он новую свою жизнь решает вести таким же порядком, какой господствует на месте его нового жительства: он приглядывается, прислушивается, прежде чем начнет действовать самостоятельно. Однако трудно бывает приглядеться к чему-либо там, где все зыбко, неопределенно, ведется не по исстари заведенному порядку, а по прихоти мимолетного случая. Пассивная роль, какая выпадает на долю новоприезжего, в подобных обстоятельствах оказывается неуместной: он вдруг сбрасывает с себя маленькие оковы, которые сдерживали его привычки среди определившегося уже общества, и начинает вести себя нараспашку; не приметивши, как настроена новая его обстановка, он чувствует себя свободным повести свою жизнь, как ему удобнее, и незаметно становится особняком среди других ему подобных. Отсюда вытекает новая характеристическая черта подобного общества: возможность сближения, хо-

тя бы мимолетного, между людьми неравных общественных положений, кажущееся равенство его членов, отсутствие наружных знаков тех разнообразных отношений, которые существуют между людьми разночинными, разных состояний, разных положений в свете. Всякий, чувствуя себя свободным от преданий, заветных на месте прежнего его жительства, невольно считает и других разрешенными от таких же преданий: а разве не они заставляют нас ложно стыдиться сближений с людьми неодинакового с ними общественного положения? Но нужно сказать и то, что возможность сближения между членами подобного общества не столько есть плод, добытый размышлением, сознанием равного человеческого достоинства, в каком бы лице оно ни проявлялось, сколько следствие особнячества, всегда готового, как еж, свиться клубком и оцетиниться при малейшем покушении на его свободу, и в то же время смотреть равнодушно на все, что не угрожает его оригинальности. Разумеется, семейная жизнь или же постоянное обращение в кругах семейных могли бы благотельно действовать на смягчение особнячества, на сглаживание его угловатостей, на расширение круга его симпатий; но, к сожалению, семейная жизнь на Кавказе еще недавно началась, потому что недавно еще была та пора, когда служащие здесь, вместо жен, по большей части обзаводились кухарками, прачками или же искательницами любовных приключений. С успехами семейной жизни на Кавказе исчезают и все больше и больше будут исчезать угло-

ватости здешних особняков, да, наконец, и само особнячество ограничится тесными пределами, потому что не будет к нему поводов, по причине зарождения и будущего развития в здешнем обществе своих порядков, своих преданий, своей общественной атмосферы, к которой сочтут себя обязанными применяться новые поселенцы, принося в здешние кружки расширение их опытности, а не собственный произвол, почувствовавший себя несколько связанным на новой почве.

Такое современное положение ставропольского общества, представляющее много невыгод, много отрицательных сторон по причине новизны самого города и местных его условий, в будущем дает много поводов к утешительным заключениям. Впрочем, о будущем мы не считаем себя вправе сколько-нибудь распространяться... <...>

Однако позволю себе сделать несколько замечаний по поводу известных наших губернских характеристик, которые имели целью выводить на свет, кроме родовых, и видовые признаки наших губернских обществ. <...>

Но объяснимся лучше примерами. Если бы какой-нибудь современный писатель стал насмехаться над внешними особенностями губернских жителей, стал бы выводить на свет допотопные фракы и чепцы, то он впал бы в анахронизм. С этой стороны самолюбие большей части провинциалов уязвить нельзя; они в нарядах подвизаются ретиво, и оттого скорее тут пересолят, чем недосолят. На поприще балов и вообще веселостей опять они действуют с достодолжным рве-

нием, как об этом гласят и губернские ведомости. Но если тот же самый писатель покажет нам обратную сторону губернского *comme il faut*, если он справедливо заметит, что в провинции рядятся по журнальным картинкам не из потребности вкуса, не для себя собственно, но все напоказ, а дома, без посторонних свидетелей, забывается и чистоплотность, и изящество, – что губернские веселости, часто блестящие, всегда машинальны и напоминают совершение какого-то непонятого для нас обряда, что блестящая оболочка светского *comme il faut* у нас ничем еще не наполнилась живым, самобытным: в этом случае писатель уметит в уровень губернской общественности. Но еще лучше будет, если он оставит в стороне губернский *comme il faut*, если не станет насмехаться ни над провинциальным французским языком, ни над губернскими обедами, ужинами, вечерами с музыкой и без музыки, ни над костюмами и вообще внешностями; пусть только покажет он наличность провинциальной деятельности, пусть очертит круг губернских стремлений, пусть возьмет на весы весь капитал познаний, необходимых для разумного существа, насколько их отыщется в губернском обществе... Тогда, без сомнения, покажется перед нами множество действительных случаев, как порождений крайнего невежества, анекдотов вроде тех, как Живновский являлся к посланнику с предложением питаться целый год одним сахаром... В том-то и секрет, что настоящего провинциала почти невозможно поддеть насчет чего-ни-

будь, как говорится, житейского; он смекнет, что возможно и что нет насчет какой-нибудь поживы; у него на это удивительно как развито чутье. Зато там, где дело не касается наживы, говорите что вам угодно, и вам легко поверят. Прислушайтесь к разговорам между губернскими чиновными людьми: они очень практичны и только больно хромают там, где дело касается умозрений или же научных знаний. Оттого вы услышите, что какой-нибудь губернский его превосходительство – дока в канцелярских делах и в приобретении капитала – простосердечно уверяет своих слушателей, что огонь от электричества несколько не горячий, что он лично изволил в этом удостовериться, проезжая мимо зажженной молнией копны сена, что он невредимо клал на эту копну свою руку: большая часть слушателей так же простосердечно верит его превосходительству, а остальные хоть и сомневаются, но не противоречат. Оттого в прошедшую войну некоторые высокоблагородные губернские жители удивлялись, почему же правительство не проведет нашего флота из Севастополя в Каспийское море, что там, дескать, флоту было бы совсем безопасно. Оттого эти же и другие чиновные губернские лица все-таки благодаря военным реляциям и газетам, несколько ознакомившись с географией России, недоумевали, что это такое Сыр-Дарья и где это живут коканцы? А разрешив эти вопросы, хором закричали, что Индии теперь окончательно несдобровать. И множество проявлений подобного невежества на каждом шагу встретите в каждом

губернском городе. – Но напрасно этих, по-видимому, простачков постоянно пугают ревизорами. Они – третий калач по этой части и вовсе среди своих закулисных проделок не боятся проезжих. Ревизор годится теперь в провинции разве для того только, чтобы его именем пугать детей, а не взрослых. Приезда его не боятся, а только заботятся несколько о приведении в порядок разного рода внешностей. Теперь в провинции знают, как обходиться со всяким ревизором. Прежде чем успеет он приняться за свое дело, его так умаслят, так сумеют акклиматизировать с помощью закусок, обедов, карточных вечеров, так привяжут его к особенностям своего общежития, благодаря находчивости жен и дочерей, что вчуже глядеть любо, как это они со всеми своими грешками спокойны и веселы в присутствии ревизора! Но довольно на этот раз о губернских обществах. Посмотрим на некоторые учреждения Ставрополя и прежде всего остановимся на его публичной библиотеке.

Публичная библиотека существует здесь с 1852 года и помещается в небольшом казенном доме, почти в середине города. Она занимает три комнаты: в одной из них стоит стол, на котором лежат последние номера периодических изданий; тут же на стенах висят географические карты... Составилась она из пожертвований со стороны некоторых лиц, в числе которых главным основателем был губернатор господин Волоцкой; потом она приращалась собственными средствами, выручаемыми от читающей публики, а также добро-

вольными вкладами, так что уже в 1857 году в ней считалось до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание.

Такое учреждение, как Ставропольская публичная библиотека, редко встречается в наших губернских городах и стоит того, чтобы обратили на него внимание. Библиотекарь ее, молодой человек, ревностно преданный своему делу, г. Львов, дал мне возможность ознакомиться с отчетами библиотеки, а из них-то я извлекаю некоторые заметки, которые не лишены интереса и отчасти характеризуют здешнее общество со стороны стремлений его к просвещению. По правилам, изданным от библиотеки, каждое состоящее на службе в Ставрополе лицо как военного, так и гражданского ведомства, изъявившее желание пользоваться книгами из библиотеки, платит в пользу ее по одному проценту с рубля получаемого им жалования, частные лица платят в год 7 рублей; желающие пользоваться книгами на полгода платят 5 рублей, на три месяца 2 рубля 60 копеек, на месяц 95 копеек, на день 10 копеек. Библиотека открыта для чтения ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 8 до 12 часов утра и от 2 до 5 пополудни, на дом можно брать за раз не более двух томов, или же одного целого сочинения.

Взявши во внимание значительное число служащих в Ставрополе, можно бы полагать, что средства существования библиотеки довольно обеспечены: членов ее ежегодно считается до 300, посетителей, как видно из собственноруч-

ных расписок их в заведенной для этой цели книге, бывало ежегодно от 3000 до 5000. А между тем в приходе библиотеки, например, за 1856 год значилось всего 489 рублей 85 копеек, полученных за право чтения, что дает средним числом немного больше, чем по 1 рублю 50 копеек на каждого члена. Чем же объясняется такая незначительная цифра среднего платежа членов? А тем, что члены эти большей частью господа мелкие чиновники, получающие в год от 100 до 250 рублей; что же касается до так называемых губернских тузов, то редкий из них записывается в члены библиотеки, частных же подписчиков, вносящих по 7 рублей в год, бывает 5 человек и меньше. При таком положении этого дела библиотека за выручаемые ею деньги может только содержаться и выписывать одни периодические издания и не имела бы средств для выписки отдельно издаваемых сочинений, если бы ежегодно не поступало пожертвований в ее пользу от 200 до 400 рублей, в которых живейшее участие принимает основатель ее, г. Волоцкой.

Таким образом, это полезное учреждение своим настоящим положением показывает, что вызвано оно к жизни не столько потребностями самого общества, сколько занесено извне, быть может, по тем же причинам, которые, как я сказал уже, часто заносят сюда и другие общественные новинки. <...>

Недавно состоялось в Ставрополе (с 23 апреля 1856 года) еще одно учреждение, по характеру своему несколько

подходящее к публичной его библиотеке. Это – местный музей. Целью его предположено, чтобы он был постоянной выставкой, на которой в немногих образцах представлялось бы все, что край имеет наиболее замечательного, чтоб при обозрении музея можно было получить понятие о собственных богатствах края, о состоянии в нем всякого рода промышленности, о населении, его составляющем, о замечательных в нем остатках древностей. Таким образом музей представляет 4 отдела: 1) естественные предметы края, 2) предметы разного рода промышленности, 3) предметы этнографические и 4) археологические. Округ, представителем которого назначается музей, составит весь край кавказский по эту сторону Кавказских гор. Мысль об основании музея и заботы о нем принадлежат также Волоцкому; помещается он в доме городской думы, одном из лучших по наружности домов Ставрополя. Пока собрано сюда еще мало предметов: есть коллекция ставропольских строительных камней в разных видах отделки, коллекция глин и песков для кирпично-кафельного производства, коллекция минералов, руд и шлихов Алагирского горного завода, коллекция окаменелостей; из предметов растительного царства собраны деревья, произрастающие в лесах Ставропольской губернии, неполный гербарий флоры ставропольской, пятигорской и кисловодской; из предметов царства животного есть несколько чучел местных животных и собрание насекомых; из предметов туземной промышленности собраны предметы сельско-

го хозяйства около Кизляра, в числе их в разных формах обделки есть марена и сарачинское пшено, кожевенный товар местной выделки и т. п.; по отделу археологическому собрано несколько камней с надписями из маджарских развалин, несколько монет и мелких вещей, находимых в степных курганах. Все же собрание предметов, без сомнения, служит не музеем, но только началом его, которому нельзя не пожелать дальнейших успехов. К сожалению, средства его, долженствующие состоять из добровольных приношений тех, кого интересует общепольное дело, самые ничтожные, сумм у него нет никаких, а держится он единственно участием немногих своих учредителей.

В Ставрополе не дурен бульвар, идущий по всей Николаевской (главной) улице, без него бы не в меру широкой и обстроенной небольшими домами, он состоит из аллеи тополей, белой акации, лип и обнесен деревянной решеткой с каменными устоями. Это – обыкновенное место для гуляния ставропольцев, особенно если играет здесь хор военной музыки, что летом случается в неделю два раза. Бульвар прерывается небольшой площадкой, на которой устроен фонтан, окруженный почти всегда грязью; с площадки каменная широкая лестница, усаженная тополями, ведет на гору к пятиглавой соборной церкви, которая стоит на видном, незастроенном месте. Отсюда вид на окрестности Ставрополя широк и живописен. Глядя на юг, видишь волнистую степь, которая перемежается то конической формы холмами, то гребня-

ми небольших возвышенностей и стелется широко, так что за ней виднеется даже снежная горная цепь, белеющая на краю лазоревого неба клочком затейливого кружева. Заметнее всего на ней Эльбрус, как облако, стоящий на горизонте. Особенно хорош он бывает утром, до восхода солнца, когда окрестности Ставрополя покрыты еще предрассветным туманом, а маковка его уже краснеется на солнце. И до этой маковки отсюда больше 300 верст... Глядя на нее, невольно припоминаешь герб Ставрополя – двуглавого орла наверху снежной горы: да, завидевши отсюда в первый раз эту гору, русский орел не мог остановиться среди пустынных степей и не направиться к манящей вдаль горной вершине! На ней лежали цепи Прометея, на гербе уже расторгнутые; но еще, без сомнения, недалеко то время, когда Россия, в роли Прометея, поднесет божественный флогистон ко всем диким племенам Кавказа и на первый знак их пробуждения к истинной жизни скажет им свое прометеевское: «Здравствуй!»...

Другое место для гуляний ставропольцев – Воронцовский сад, небольшой, но чистый и тенистый; здесь можно видеть питомники разных плодовых деревьев; значительная часть сада занята виноградом различных пород, которому, однако, трудно здесь дозреть вполне; есть каштаны, грецкие орехи, много цветов и лекарственных трав, – и посреди этих растений юга стоят две или три тощие сосны, прижавшиеся к земле от южного знойного лета. Два резервуара воды обсажены раkitами, через них переброшены мостики; тут же плещут-

ся в воде белые лебеди.

Улицы города вымощены здешним камнем, но далеко не все, хотя камень здесь дешев и под руками, а грязь местами бывает невылазная. Главная из улиц освещается газом, остальные – ничем, отчего ночью, сворачивая с освещенной на темную улицу, переходишь точно в преисподнюю. Постройки города, между которыми есть много красивых, большей частью каменные; дерево здесь дорого, и деревянный дом считается сколько дорогим, столько же удобным, потому что здешний камень мягок, ноздреват и пропускает через себя в комнаты сырость и холод. Дома из камня строятся здесь быстро, потому что кладутся камни больших размеров. Вообще же, на большей части городских построек заметна новость, чистота; обилие зелени придает городу и много украшения, и много свежести. <...>